

ликость», возможно имеет то же происхождение («Но пусть великостию сею...»).³² Сама тема оды «На знатность» как будто почерпнута из оды Руссо-Ломоносова и представляет собой пространную редакцию ее строфы:

Но пусть великостию сею
О титлах хвалятся своих,
Поставим разум в том судьбою
И добрых дел поищем в них.
Я вижу лишь одну безмерность,
Надменность, слабость и неверность,
Свирепство, бешенство и лесть.
Доброта странная! откуда
Из злости сложенному чуду
Дается оной должна честь?³³

Сближает державинские оды с ломоносовским переводом и тема обличения тиранства, которой не было, конечно, у Фридриха: «И царь, невинных утеснитель, — / Равно вселенной всей злодей! (III, 296), — заявляет Державин. «Одне ли приключенья злые / Дают достоинство Царям? / Их славе, бедствиями обильной... ». ³⁴ — восклицает Ломоносов.

Доказательством возможной ориентации Державина на перевод Ломоносова может служить используемое им противопоставление Александра Македонского и Сократа:

Не тем велик в моих глазах
Попратель града Вавилона,
Что скипетры под ним лежат,
Но что, быть мнивши кубок с ядом,
Приял, не возмутился взглядом,
Яко божественный Сократ. (III, 292)

В свое время оно вызвало недоумение современников.³⁵ Спустя век, только на основании этого противопоставления Ш. Нодье заявил, что ода Руссо — подражание главе «О раскаянии» из «Опытов» Монтеня.³⁶ Используя в большинстве случаев исторические примеры Фридриха, обогащая свои оды лишь именами русских героев, Державин, упоминая Александра и Сократа, мог опираться на

³² Там же С. 662.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 663.

³⁵ Grubbs H. A. J.-V. Rousseau. P. 237.

³⁶ Нодье Ш. О подражании. Читайте старые книги. Кн. I. М., 1989. С. 86.